

УДК 811.161.1:161.26

И. Ю. Кукса

**ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА КАК КОМПОНЕНТ
СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ
В РУССКОЙ РУКОПИСНОЙ ГАЗЕТЕ «ВЕСТИ-КУРАНТЫ»**

5

На материале русской рукописной газеты «Вести-Куранты» рассматривается функциональная значимость оценочной лексики – прилагательных, наречий и существительных, реализующих субъективно-модальные значения и передающих эмоционально-экспрессивные реакции автора газетного текста на описываемые им исторические события, на характер и поступки различных лиц – участников этих событий.

Based on the materials of the handwritten Vesti-Kuranty newspaper, this article analyses the functional significance of evaluative lexis – adjective, adverbs, and nouns with subjective modal meanings conveying expressive emotional reactions of the author of a newspaper text to the described historical events, as well as the temper and actions of its participants.

Ключевые слова: модальность, субъективная модальность, субъективно-модальные значения, эмоционально-экспрессивная оценка, оценочная лексика, газетный текст, история отечественной периодики.

Key words: modality, subjective modality, subjective modal meanings, expressive emotional evaluations, evaluative lexis, newspaper text, history of Russian periodicals.

При сохраняющейся дискуссионности вопроса о соотношении объективной и субъективной модальности в рамках функционально-семантической категории бесспорным является факт приоритетного положения субъективных модальных значений в тексте, особенно в тех его разновидностях, где весьма отчетливо прослеживается точка зрения автора. К числу их, без сомнения, относится и газетный текст, высокая степень авторизации которого обуславливается его главной целью – открыто донести до читателя информацию о реальном положении дел, преломленную через авторские представления и оценки. «При выражении собственного отношения к реальным проблемам реального мира, – отмечает Т. В. Романова, – автор публицистического текста не “прячется за спину” созданного им рассказчика, а говорит сам» [14, с. 56]. Газетно-публицистический текст является каналом передачи информации и определенного видения действительности, зачастую имеющего суггестивную направленность: автор заставляет читателя за-

думаться над сообщаемой информацией и косвенно способствует формированию у адресата той или иной точки зрения на какой-либо факт действительности.

Богатый комплекс субъективно-модальных значений имеет в русском языке адекватный ряд средств выражения, в числе которых разноуровневые экспликативы: модальные глаголы и предикативы, выступающие в сочетании с зависимым инфинитивом, модальные (вводные) слова, частицы, различные синтаксические конструкции (предложения с независимым инфинитивом, риторический вопрос, типы сложных предложений и др.). Применительно к газетному тексту особенности их функционирования в диахронии и синхронии русского языка достаточно подробно рассмотрены в работах исследователей, (см., например [9–11; 17]). Вместе с тем значительно меньше внимания уделено роли оценочной, в том числе эмоционально-экспрессивной лексики в формировании системы средств выражения субъективной модальности в газетном тексте. Данный факт в определенной степени имеет объективные причины, поскольку до сих пор у специалистов нет единства мнений по вопросу о включении качественной и эмоционально-экспрессивной оценки в содержательный объем категории модальности.

Так, В. В. Виноградов, считая, что «необходимо проводить принципиальную четкую грань между разными эмоциональными формами выражения реакции на действительность и модальной оценкой отношения высказывания к действительности» [6, с. 62], делает, однако, при этом оговорку, что «обе эти сферы речевых явлений, в которых отражается объективная действительность в ее преломлении в общественном сознании людей, находятся между собой в самом тесном взаимодействии» [Там же]. Ш. Балли полагал, что в их число включаются «самые различные оттенки суждения, чувства или воли» [2, с. 44]. В принципе такой подход к содержательному объему модальности отражен в Русской грамматике-1980 [16], Чешской русской грамматике [17], в ряде монографических исследований и статьях специалистов — например, [13; 18]. Н. Ю. Шведова определяет субъективную модальность как характеристику «отношения к сообщаемому, экспрессивное выражение тех или иных эмоций говорящего по поводу содержания сообщения» [20, с. 16]. Л. А. Пиотровская, объединяя в своем понимании модальности разноуровневые средства выражения различных значений на основе выражения субъективного отношения говорящего к содержанию высказывания, полагает, что в силу этого становится возможным рассмотрение модальности как обобщающего термина для целого класса значений, связанных с выражением отношений говорящего, в том числе и эмоциональных [14, с. 130–138]. «Модальные реакции, — отмечает Т. В. Романова, — связаны с определенным эмоциональным состоянием говорящего, поэтому эмоциональность входит в модальность (через “я” говорящего). Эмоциональная экспрессия, в которой отражается эмоциональное отношение говорящего к предмету речи, является специфической формой выражения отношения человека к окружающему миру, что дает объективные основания для включения эмоциональной экспрессии в категорию модальности» [15, с. 19].

Другие исследователи, напротив, полагают, что эмоционально-экспрессивная оценка не входит в понятие модальности, хотя и взаимодействует с ней [1; 12].

Более осторожной точки зрения по данному вопросу придерживается А. В. Бондарко, указывающий, что «отнесение качественной и эмоциональной оценки к модальности нельзя исключить, однако речь может идти лишь о периферии модальности, где специфические признаки данной категории “размываются”» [3, с. 40–41]. Данное мнение в целом разделяет С. С. Ваулина, выражая при этом лишь определенное сомнение в правомерности безусловного отнесения данной оценки к периферии модальности, поскольку именно эта оценка, по наблюдениям исследователя, весьма частотно представлена уже в древнерусских текстах, реализуясь, в частности, с помощью оценочных наречий *лепо*, *достойно*, *подобно* и т. п. [4, с. 214–215].

Солидаризируясь с позицией С. С. Ваулиной, мы в рамках данной статьи ставим перед собой задачу рассмотреть особенности реализации эмоционально-экспрессивной оценки в газетном тексте на конкретном материале русской рукописной газеты «Вести-Куранты», функционировавшей в XVII веке и содержавшей русские варианты иностранных новостей – переводы письменных печатных газет, которые осуществлялись дьяками Посольского приказа, как правило, в нескольких экземплярах и предназначались для информирования царя и боярской думы о важных политических, социальных и культурных событиях за рубежом (об этом подробнее см.: [8; 19]). Наш интерес к данной газете определяется, во-первых, тем, что период ее функционирования, охватывающий почти весь XVII век, ознаменован серьезными преобразованиями во всех сферах общественно-политической жизни России, нашедшими яркое отражение в языке и проявившимися в сближении литературного языка с разговорным, деловым языком, в зарождении и распространении жанров публицистики [7, с. 148]. Важным представляется также то, что «Вести-Куранты» являются фактически первой российской газетой, что дает возможность рассматривать ее как своеобразный «отправной пункт» для анализа особенностей эволюции реализации субъективно-модальных оценок в газетных текстах последующих исторических этапов.

В одной из предыдущих наших статей мы суммарно описали модальную специфику газеты «Вести-Куранты» и основные средства выражения объективных и субъективных модальных значений [9]. Таким образом, данная статья с ее вышеобозначенными задачами – продолжением ранее осуществленного нами анализа.

Как показал рассмотренный языковой материал текстов газеты, среди средств выражения субъективной модальности значительную часть составляют оценочные прилагательные, наречия и существительные, передающие как положительные, так и отрицательные эмоционально-экспрессивные реакции автора газетного текста на описываемые им реальные исторические события, на характер и поступки различных лиц, имеющих непосредственное отношение к этим событиям.

В ряде случаев отношение автора к тем или иным сообщаемым им вестям обнаруживается уже в самом авторском эмоционально-оценочном определении их по шкале «хороший / плохой» с помощью качественных прилагательных *добрый, недобрый, худой, желанный, великий, жестокий, плохой* и др. Например: «...вчера и севодни добре нарочетья договоры были толко на том станетца ино вскоре *добры* весты слышати будет» [21, с. 140]¹; «А из города Вина *недобры* весты пишут про турских людеи потому что они многих людеи прибирают» [21, с. 102]; «...и тотъ городок и морское корабельное пристанище за заплачу здали и то королю аглинскому и князю Роберту *худы* весты» [21, с. 173]; «В будущую неделю чают *желанного* полного совершенья здешным договорамъ и чае что его высококняжеское пресветлеишество от сего числа неделю спустя отсюды однолишно поедет...» [21, с. 190]; «*Великое* одоленье здес учинено июня в 15 де противу турских в проливе Отогеия две мили от Смире божиим благословением» [21, с. 117]; «А парламенты указали и комисаров уставили которымъ такое *жестокое* прошене выслушат и сыскают и себе про то известити велели...» [21, с. 77]; «...третеву дни после обеда опят назад сюды приехать... Оранкендала *плохой* указ с собою привез...» [21, с. 110].

В других, более многочисленных, случаях соответствующая оценка реализуется опосредованно, а именно:

— через характеристику лиц, участвующих в описываемых событиях. Ср.: «В Шкотцкую землю *доброверной* человекъ которой недавно из Англинские земли приехал сказывает что мирские люди от нового парламентского република сиречь от новых владетелей столь *жестко* отягчаны и истеснены всякими налогами... [21, с. 185]; «О мировом постановленьи о котором многие *доброхотящие* люди долгое время с печалью ожидали буди всемогущему богу за то хвала воздана во всемъ допозна договорилис...» [21, с. 66]; «...Зундъ к Нетигборху августа... приехать къ Энгелголму... простился он с дацкими на рубеже и тогда тож с обеихъ сторонъ *великою* честью розехалис и по прямои *дотоиной* мере его королевского величества...» [21, с. 140]; «Апреля въ 15 де *смелой* и *мужественной* капитон молодой Шав у мыса Светаго Устина карабль з драгими товары взять и в Рецив привель [21, с. 199]; «...а *добры* люди из всякихъ чинов хотели того чтоб было по прежнему королю а *худы* де люди воры изо всякихъ чинов которые в солдатах и которые от того междуособия грабежем наполнилися... и те де хотят тово чтоб над ними никакова начала не было» [21, с. 180];

— через характеристику действий и поступков лиц, участвующих в описываемых событиях. Ср.: «Пока город Оранкелданъ прямому владельному господину отдан будет да возле того ж не толко куроистру

¹ В примерах используется упрощенная графика: буквы греческого алфавита *кси, пси, фиита, омега, ук*, а также старославянские буквы *ять, юс малый, юс большой* передаются буквами современного русского алфавита. Буквенное обозначение чисел переводится в цифровое.

Генделбергскому но и всем настоятелям *достоинно* обнадешити королю оранцузскому... и то учинитца по мирному договору» [21, с. 187]; «...казаки своею болшою пришли ззади и поляковъ осадили и воиско ихъ разорили и побили многихъ пешихъ людеи... имянитыхъ людеи в полон взяли а княз Вишневетцкой которыи *мужественно* с ними бился ушол толко ранен [21, с. 72]; «...господин синдикус судебнаго чину дохтур сегодня здесь на торговои площади явно *честную* речь говорил...» [21, с. 67]; «...городские люди посады свои выжгли и из города из наряду *жестоко* стреляют...» [21, с. 197]; «На острове Кандиятурские люди от крепостных местъ отошли а в Далмации еще по сую пору *грабежем* все емлют...» [21, с. 149]; «Прошлого вторника в другом часу в ночи свеиской маеоръ имянем Томас с некоторыми реитарами... силою во дворъ водрался и двор его бургомистров разорил... и не добре такое *безчинство* пригоже кажетца» [21, с. 139]; «Пишуть что... тот младенець проговорил вашего де короля *злым умысломъ* 77 человек которые враги его были...» [21, с. 152]; «Октября въ 11 де к соемным людем Верхнево дому от короля англинского писмо пришло а Нижнего дому к соемным людем от посланных ихъ писмо пришло о томъ... чтоб указ учинити как оберегаться ото всяких папезских *умысловъ* которые супротивны владенья...» [21, с. 70]; «...здесь в мир объявили от парламента тое причину для чево они воиско свое посылают на северную сторону в королевство Шкотское... они по ся места искали всякими меры дружбу и любовию меж обеими народами держати... а супостаты их того не почитали... они видят все шкотские *вымыслы* и *промыслы* и *злобы* против ихъ...» [21, с. 204]²;

— через оценочную характеристику описываемых событий (настоящих и будущих). Ср.: «...и для того многие люди *добрую* надежду имеют о королевском деле...» [21, с. 79]; «...католицкие о своеи вере жалобу свою тако же как и евангелские вместе снесли и свеиские цесарским на те их речи... неотяхчанье и лготы писменно подали и *добро* показалось объявити еще и на то писмо смышляно...» [21, с. 123]; «В Нюренберхе будет богъ позволит скоро *добро* будет, потому что спорную статью настоятели на себя переняли» [21, с. 128]; «...а по тои вести у нихъ в Аглинской земли было *злое* междоусобие...» [21, с. 180]; «и чают что в новои годъ радостные вести о том будут да и богъ милость свою и старым годом скончанье всемъ язvamъ воинамъ и *бедамъ* в нашей отческой земле» [21, с. 176].

Таким образом, анализ функциональных особенностей оценочной лексики, проведенный на материале текстов рукописной газеты «Вести-Куранты», позволяет, во-первых, убедиться в том, что данная группа лексики занимает достаточно заметное место среди других средств вы-

² Последние два примера показательны употреблением в них префиксальных субстантивных дериватов от глагола *мыслити* — *умыслов*, *вымыслы*, *промыслы*, функционировавших в древнерусском языке с яркой негативной оценкой. См. об этом подробнее [5, с. 77].

ражения субъективной модальности, а во-вторых, увидеть и ощутить стремление авторов данной газеты (пусть пока еще анонимных) не просто дать беспристрастный перевод на русский язык тех или иных зарубежных событий, но и показать искреннюю заинтересованность в эмоциональном выражении своих оценочных реакций на данные события с точки зрения морально-нравственных правил и устоев российского общества XVII века.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
3. Бондарко А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.
4. Ваулина С. С. О модальности древнерусского текста // Текст в лингводидактическом аспекте : матер. науч.-практ. семинара. Калининград, 2003. С. 276 – 284.
5. Ваулина С. С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI – XVII вв.). Л., 1988.
6. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 53 – 88.
7. Горшков А. И. Теория и история литературного языка. М., 1984.
8. Есин Б. И. Русская дореволюционная газета (1702 – 1917). Краткий очерк. М., 1971.
9. Кукса И. Ю. Модальная специфика русской рукописной газеты «Вести-Куранты» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2011. Т. 11. Вып. 4. С. 23 – 29.
10. Кукса И. Ю. Синтаксические экспликации авторской модальности в газетном тексте (на материале «Санкт-Петербургских» и «Московских ведомостей» 18 века) // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2012. Вып. 1 (39). С. 190 – 194.
11. Кукса И. Ю. Субъективная модальность газетного текста XVIII века // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. №8. С. 21 – 28.
12. Милосердова Е. В. Прагматический аспект модальности простого предложения в современном немецком языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1991.
13. Парамонов Д. А. Феномен грамматического выражения модальных значений в современном русском языке в свете экспрессивности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010.
14. Пиотровская Л. А. Эмоциональные междометия как средства выражения субъективной модальности // Модальность в ее связях с другими категориями. Новосибирск, 1992. С. 130 – 138.
15. Романова Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность. Нижний Новгород, 2008.
16. Русская грамматика : в 2 т. М., 1980. Т. 2.
17. Русская грамматика : в 2 т. Прага, 1979. Т. 2.
18. Ткаченко А. И. Textoобразующая роль модальности в газетно-публицистическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2011.

19. Шамин С. М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М. ; СПб., 2011.

20. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

21. Вести-Куранты 1648–1650 гг. М., 1983.

Об авторе

Ирина Юрьевна Кукса — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: ikuksa@kantiana.ru

About the author

Dr Irina Kuksa, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: ikuksa@kantiana.ru